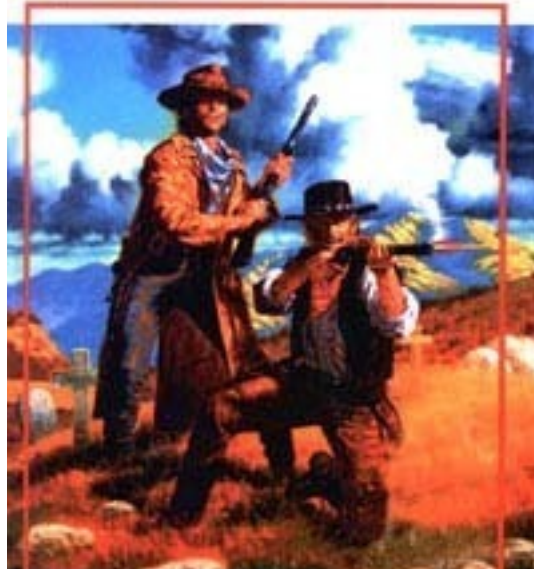

ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

Макс Брэнд

Игрок

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Игрок / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

Томас Коркоран, удачливый карточный игрок, замыслил организовать игорный бизнес в маленьком городке к западу от Миссисипи. Местные жители взяли его в крутой оборот, и спасти жизнь ему теперь способен только быстрый конь, верное оружие и дружба порядочных людей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Макс Брэнд

Игрок

Глава 1

Мустанг на полной скорости одолел подъем – его длинная шея была вытянута вперед, в то время как короткое тело прямо-таки стлалось по траве. День был тяжкий и утомительный, животное устало, однако делало все, что было в его силах, а если у мустанга остаются силы, он отдает их все без остатка до тех пор, пока наконец не валится с ног.

Итак, мустанг уже несся с горы – хлопья пены отлетали назад, облепляя влажную шкуру, на которой рельефно выделялись каждая жилка и каждый мускул. Всадник, крупный мужчина, казался еще больше и выше, оттого что сидел на такой мелкой лошади; он вел себя так, словно за ним кто-то гнался: то и дело поворачивал голову то вправо, то влево, всматриваясь в те точки, где дорога выходила на вершину очередного холма, прежде чем спуститься в долину.

Всякий раз после осмотра местности он с новой силой принимался погонять своего мустанга ударами арапника. У несчастного мелкорослого животного, обессиленного и полуослепшего, достало, однако, сил для того, чтобы шарахнуться в сторону, когда у него из-под ног выскочил кролик и помчался вверх по дороге. Всадника чуть было не выбросило из седла, однако он сумел удержаться, вцепившись в гриву мустанга и сжав коленями его бока.

К этому моменту он оказался у края густого кустарника, росшего у самой дороги. Всадник торопливо спешил. Лошадь, которая казалась мелкорослой и тогда, когда хозяин ее находился в седле, выглядела совсем крошечной: теперь, когда человек вел ее за собой в глубину зарослей, ее можно было принять за крупную собаку. Заведя лошадь в кустарник, он оставил ее там, даже не привязав, и снова вернулся к дороге. Вскоре он нашел удобное местечко, из которого мог беспрепятственно обзирать окружающую местность, оставаясь невидимым, и тут же из его уст вырвался возглас удовлетворения. Дело в том, что на гребне холма он увидел одинокого всадника, который двигался в западном направлении. Тот, что притаился в кустах, не теряя времени, начал готовиться. Было ужасно жарко, даже в открытых местах, где дул легкий ветерок; но среди кустов с редкой листвой, почти не защищающей от солнца и в то же время не дающей доступа ветру, человек чувствовал себя словно в духовке. К тому же каждый листок, каждая травинка были покрыты толстым слоем пыли, которая поднималась с дороги, когда по ней проезжали фургоны, кареты или всадники, а потом оседала на придорожных кустах. Эта пыль, потревоженная его движениями, взвилась вверх, наполнив воздух словно густым туманом, забивалась в нос, проникала под шейный платок и под рубашку, от нее щипало глаза, а струйки пота, катившиеся по лицу, превращались в темные ручьи.

Он достал грязный синий носовой платок и протер глаза, залитые потом, смешанным с пылью. После этого, не обращая внимания на палящие лучи солнца, которые, проникая сквозь жилет и рубашку, немилосердно жгли его спину, он неторопливо снял с плеча ружье и построил его между ветвями так, чтобы держать под прицелом дорогу. Прodelав это, он сосредоточил все свое внимание на всаднике.

Последний уже миновал вершину холма, когда тот же самый кролик, которого вспугнул первый всадник, выгнав из норы, снова перебежал через дорогу. Отличный черный конь, на котором ехал второй всадник, не шарахнулся в сторону, но остановился на месте, насторожив уши. Его хозяин никуда не спешил. Он, по-видимому, ничего не имел против того, чтобы передохнуть и спокойно насладиться ветерком, который нес приятную прохладу с востока на вершины гор; помимо этого, с верхушки холма открывался прекрасный вид на широкий полукруг, который начинался от края Санта-Инес на севере и доходил до обширного беспорядоч-

ного скопления холмов и остроконечных вершин на северо-востоке, носящих общее название Команчские горы, а затем на юг, уже по ту сторону узкой желтовато-коричневой ленты Мирракуипа-Ривер, несущей свои воды на юго-запад по глубокому каньону, где, словно ровные морские волны, тянутся лысые вершины хребта Диггер. Какое странное сочетание разноречивых названий в одном и том же пейзаже! Но с другой стороны, ведь и испанцы, и индейцы, и американцы – все они оставили в этом краю свой след. Как раз в центре дуги находится Сан-Пабло, белостенные дома которого разбросаны по обоим берегам Мирракуипа-Ривер.

Этот старый испанский город внезапно снова начал расти после двухсотлетней спячки. Вокруг белых стен появилась широкая серая полоса, словно толстая кожа, покрывающая белую внутреннюю оболочку апельсина. Там теснились каркасные дома, наскоро построенные, для того чтобы в них могли разместиться вновь приехавшие люди, вперемежку с палатками из выгоревшей на солнце парусины и лачугами из некрашенных сосновых досок. Ибо Сан-Пабло вторично посетила удача.

В глубине Команчских гор среди хаотического нагромождения хребтов обнаружилось золото; в том же самом месяце в Диггере нашли серебро, так что маленький городок в один и тот же период времени стал средоточием желтого и белого богатства. Золотоискатели и шахтеры постоянно приезжали в Сан-Пабло за самыми разнообразными необходимыми вещами. Все караваны из фургонов непременно шли через городок, делая там остановку. Начиная с пятницы и до понедельника в город приезжали шахтеры, чтобы спустить там свое жалованье, добытые золото и серебро. Между городом и двумя шахтерскими лагерями довольно быстро установилось регулярное сообщение. Даже с большого расстояния путник мог заметить сквозь кристально чистый горный воздух темные цепочки упряжек – от десяти до двенадцати мулов на фургон, – которые поднимались вверх по противоположным склонам, волоча за собой хвосты пыли. А иногда, хотя это казалось невероятным, всадник, обозревающий окрестность с вершины горы, мог заметить, как мелькал солнечный зайчик, когда солнце отражалось в блестящей от пота спине животного.

Всадник оторвал взгляд от города, от дорог, от ближних бурых скал и дальних синих вершин и поднял глаза вверх, к бледно-голубому небу, в котором пылало солнце. Даже в воздухе шла своя жизнь. В небе, описывая широкие круги, парили орлы-стервятники; центром этих кругов была какая-то точка, чуть повыше Сан-Пабло. При взгляде на этих орлов, кружащих вокруг этой, словно фокус, точки, в голове путника возникла странная мысль: видно, в Сан-Пабло далеко не все благополучно, если эти воздушные санитары чуют чью-то близкую смерть.

Путник, однако, не принадлежал к числу людей, которые надолго задумываются над нравственными аспектами жизни. Теперь он заговорил с конем, и благородное животное выгнуло в ответ шею и насторожило уши. Спускаясь вниз по склону горы, всадник достал носовой платок, но не синий и не красный огромный платок, каким обычно предпочитали пользоваться в тех краях. Он был ослепительно бел, словно только что из прачечной, и, прежде чем воспользоваться им, всаднику пришлось встряхнуть его, чтобы расправить складки, после чего он вытер лицо, медленно и тщательно, приподняв шляпу, чтобы промокнуть пот на лбу, затем протер шляпу изнутри, стряхнул пыль с рукавов белого полотняного сюртука, а после из складок брюк для верховой езды и с начищенных до блеска сапог. Дело в том, что он сидел в английском седле и одет был так, как оделся бы любой английский джентльмен в сельской местности в очень жаркую погоду. Но лошадь у него была совсем особая – так сильно она отличалась от мустанга с огромной головой и выгнутой спиной, который нес на себе того, другого человека, затаившегося теперь в пыльном кустарнике. Лошадь, на которой ехал человек в белом сюртуке, была бы вполне на месте где-нибудь в оксфордширском имении, где джентльмены собрались на лужайке, готовые отправиться на первую в сезоне охоту на лис. Она была настоящая красавица, начиная с аккуратной гривы и до подстриженного хвоста, от нервно дрожащих ноздрей и

до твердых черных копыт. Рысь у нее была легкая и изящная – как поступь кошки. А в галопе она была подобна птице – такая же изумительная легкость и быстрота движений.

Теперь она шла вниз по склону, помахивая своей аристократической головой, словно позади и не было пятидесяти миль тяжелой дороги, начавшейся на рассвете.

Ехал на ней мужчина с тонким худым лицом; ему было за тридцать – впрочем, никто не мог бы сказать, как давно он преодолел этот рубеж. Так же как и в его лошади, в нем прежде всего чувствовалось совершенное изящество и немалая выносливость, нежели просто физическая сила. Было совершенно очевидно, что седок этот рожден и воспитан не под жгучим солнцем горной пустыни, по которой он ехал теперь. У него было бледное лицо, и эта бледность особенно бросалась в глаза благодаря светлым ресницам и бровям – настолько светлым, что по контрасту с ними его серые глаза казались почти черными. А на щеках палящее солнце вызвало лишь едва заметный румянец. Глядя на его тонкие губы, слегка сжатые, на тонкий, с небольшой горбинкой нос и живые беспокойные глаза, трудно было определить, чего в нем было больше: природного нетерпения или умения постоянно держать себя в узде.

Скорее всего это был человек контрастов. Ибо если его лицо могло показаться лицом завоевателя и тирана, то, с другой стороны, он управлял своей лошастью легко и изящно, чисто по-женски, используя не столько силу своей руки, сколько неуловимое нечто, какой-то сигнал, который настоящий опытный наездник передает с помощью легкого движения пальцев даже не уздечке, а непосредственно самим нервам своего скакуна, и через нервы импульсно – его мозгу.

Всадник подъехал уже почти к самым кустам, когда увидел, как что-то сверкнуло, едва заметно, подобно тому солнечному зайчику, который заиграл на блестящей от пота спине лошади, бредущей в упряжке по склону далекой горы, только этот был несравненно ближе, у самой дороги. Так может блеснуть гладкая поверхность кварца или хорошо отполированная сталь. Подобное явление заставило бы обычного человека просто остановиться и медленно повернуть голову; однако рефлекс нашего всадника были подобны рефлексам дикого животного, который при малейшем шорохе вскакивает от сна и, побуждаемый инстинктом, кидается на врага.

Едва заметным прикосновением шпор и движением поводьев он заставил лошадь отпрыгнуть в сторону на десяток футов, а сам в тот же момент выхватил револьвер и выстрелил наугад в направлении кустов. Ответ последовал быстрее, чем эхо, – громкий резкий звук ружейного выстрела и бормотанье укрывшегося в кустах стрелка. Пуля сбросила шляпу с головы всадника, и, прежде чем она упала на землю, он выстрелил снова, на сей раз уже по определенной цели.

Из кустов, среди облака пыли, взметнувшейся в воздух, поднялся высокий мужчина. Неверными шагами он двинулся по направлению к дороге, протянув вперед руки, словно слепой, и, споткнувшись о камень, упал ничком, уткнувшись в мягкую пыль.

Глава 2

Всадник мгновенно соскочил на землю и, подняв своего врага с пыльной земли, отер сначала его лицо, а потом разорвал на нем рубашку. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что этот человек был почти мертв или, во всяком случае, умрет очень скоро.

Несчастный открыл стекленеющие глаза и с любопытством смотрел в лицо своего противника, словно ребенок, только что пробудившийся после глубокого сна.

– Каким образом ты меня обнаружил, Коркоран? – спросил он.

– Просто повезло, – ответил Коркоран. – Ты лучше скажи, каким образом ты оказался здесь, Бристоль? И что я тебе сделал?

– Вчера вечером в Юджине тебе повезло и ты раздел меня до нитки. Но разве это можно назвать везением? Не везение, а просто ловкость рук, а, Коркоран? Признайся...

– Ты думаешь, я жульничал, когда играл в карты?

– Знаю наверняка. Помогите мне остановить кровь, эта пуля...

– Бесполезно! Ты умрешь, Гарри Бристоль.

Раненый качнулся в руках Коркорана, который его поддерживал; глаза его расширились, рот приоткрылся.

– Это неправда, – произнес он наконец. – Я чувствую, это неправда. Ты лжешь, Коркоран. Ради Бога, дай мне еще один шанс. Помогите мне! Ты не допустишь, чтобы я истек кровью, как какой-нибудь...

– Спокойно! Спокойно! – уговаривал его Коркоран. – Ты уже на девять десятых покойник. Я немного разбираюсь в ранах и знаю, что тебе пришел конец.

Бристоль сглотнул слюну и поднял руку – это стоило ему немалых усилий, и на лице его при этом появилась гримаса боли.

– Мне еще нет и сорока, – стонал Бристоль. – Что я сделал, чтобы заслужить такую...

– Ты достаточно пожил, – отозвался Коркоран. – И твой сегодняшний выстрел исподтишка, твое трусливое нападение – не самый подходящий поступок, который должен завершать человеческую жизнь.

– Тебе бы проповедником быть, Коркоран, а не картежником.

– Может быть, я и стану им, когда мой ум притупится. Но до тех пор, пока у меня достаточно ловкие пальцы, я намерен жить не работая.

– Ага, все-таки признаешься! – воскликнул Бристоль. – Значит, ты вчера плутовал?

– Нет, – ответил Коркоран. – Вчера не плутовал. Для того чтобы обобрать компанию тупоголовых идиотов, подобных тебе, Бристоль, и плутовать не требуется.

Бристоль оскалился, словно злая собака, которую вдруг ударили.

– Ладно, чего уж там, – вдруг решительно сказал он. – Со мною покончено. Я это чувствую. Только дай мне напиться, прежде чем уйдешь. Дай глоток воды!

– Конечно!..

Коркоран прислонил раненого к придорожному камню, заботливо поправив на нем шляпу, чтобы солнце не било в глаза, а затем пошел за своей флягой.

Обе руки у него были заняты, когда он заметил опасность: Бристоль вытащил из-за пояса револьвер. При первом выстреле пуля просвистела около самого виска Коркорана, но прежде чем Бристоль успел выстрелить снова, Коркоран вышиб револьвер у него из руки.

– Ну и подлец же ты! – проговорил он без всякой злобы.

Умирающий пристально смотрел на своего врага.

– У этого револьвера всегда был тугой курок, – сказал он. – Если бы я прицелился в твое правое ухо, у тебя на лбу уже была бы дырка, Коркоран.

– Вполне возможно. Вот тебе вода, Бристоль.

Тот принял флягу, подозрительно взглянув на нее. Сначала подумал, что ее тотчас же отберут назад, а потом решил, что вода в ней может быть отравлена. В конце концов начал пить и осушил флягу до дна.

После этого бросил ее на землю, в пыль, которая немедленно ее поглотила. Коркоран, ни слова не говоря, поднял флягу, отер горлышко от пыли и положил на место.

– Вот и отлично, – сказал он. – А теперь скажи, что я могу для тебя сделать.

– Станный ты парень, – с трудом выговорил второй. – В жизни не видал другого такого, Коркоран!

Его враг сложил руки на груди.

– Выбирай, что тебе больше нравится, – посоветовал он. – Можешь продолжать говорить обо мне, а можешь сказать, что я могу для тебя сделать.

– Что ты можешь для меня сделать? Дай мне паспорт, чтобы меня пустили на Небеса, или научи твоим шулерским штучкам, чтобы я мог унести их с собой в ад!

– Дурак никогда не научится играть в карты, – ответил Коркоран. – Что касается паспорта на небеса, то даже ангел с крыльями не в состоянии был бы пронести тебя через ворота на небо, Бристоль, – негодая, который стреляет из засады! Да что там говорить, когда ты через несколько минут отправишься в ад, даже черти будут тебя презирать!

Бородатое лицо умирающего скривилось в презрительной гримасе.

– Опять читаешь мораль? – сказал он. – Ну и тип ты, Коркоран! Другого такого еще поискать.

– В последний раз предлагаю, – терпеливо, без всякого раздражения сказал тот, к кому были обращены эти слова. – Скажи, нет ли какого поручения, которое я мог для тебя выполнить?

– Что я, совсем безумный, что ли? Только дурак может надеяться, что ты исполнишь свое обещание.

– Если вспомнишь то небольшое, что тебе обо мне известно, то должен знать: никто не упрекнет меня в том, что я не исполнил данного кому-то слова.

– Скажи прямо: почему ты хочешь что-то сделать для меня? Что тебя заставляет? Не потому ли, что обчистил меня до нитки?

– Любезный друг, – начал было Коркоран, но потом словно передумал и начал снова: – Не буду пытаться объяснять, почему я это делаю. Скажу лишь одно: когда-нибудь случится так, что я сам буду умирать, так же, как ты сейчас, и надо мной будет стоять другой человек...

– Это ты-то, такой богатый и важный? – проговорил Бристоль, пытаясь засмеяться, однако вместо смеха из его горла вырвался всего лишь жалкий хлюпающий кашель. – Важный богатый господин? Да ты еще доживешь до восьмидесяти лет и будешь раздавать добрые советы своим внукам! Так обстоят дела в этом мире. А вот если человек честный... у него нет никаких шансов. Мир создан только для таких господ, как ты.

– Говорю тебе, – по-прежнему спокойно заметил Коркоран, – что на свете можно жить, даже имея врагов. Но до определенного предела. Я давно перешел эту границу, можно сказать, что украл у самого себя последние пять лет своей жизни. Ну и что же, когда придет мой час – когда кто-то один выстрелит мне в спину или, – горделиво добавил он, – мне придется столкнуться лицом к лицу с целой толпой, надеюсь, что они, по крайней мере, сделают для меня то, что я готов сделать сейчас для тебя.

– Что же именно?

– На каждые двадцать врагов у меня, возможно, найдется один друг. И мне, вероятно, захочется каждому из них, в знак моего расположения, кое-что послать. А кто твои друзья, Бристоль? Что бы ты хотел им передать в знак своего расположения?

– Друзья? – отозвался Бристоль. – Да мои друзья только пожмут плечами, когда узнают, что я отдал концы. Друзья? Что мне было с ними делать? Болтать обо всяких глупостях?

– Значит, у тебя нет друзей? – мягко проговорил Коркоран. – Но ведь есть же, наверное, семья, какие-нибудь родственники?

– Никого. Родители давно померли, жена – через год после того, как мы поженились. Никого у меня нет.

– Ни друзей, ни родных? Никого на свете, кто будет о тебе вспоминать, когда тебя не станет? Господи помилуй, Бристолю, подумай хорошенько, вспомни!

– У моей жены был сын, – проворчал Бристолю. – Живет он сейчас в Сан-Пабло, если только этот рыжий пашенок куда-нибудь оттуда не двинул. Вот он, возможно, и помнит, мне не раз случалось задавать ему хорошую трепку. Можешь найти его и передать, что мне больше никогда не придется его колошматить. – Губы его раздвинулись в широкую гримасу, а потом лицо свела судорога и он схватился за грудь. – Скоро мне конец, – чуть слышно прошептал он.

– Верно, очень скоро, – не стал возражать Коркоран.

– Послушай... – едва выдохнул Бристолю.

– Что?

– Да эти разговоры насчет ада и рая. Ведь такие господа, как ты, наверное, в это не верят? А, приятель?

– А ты сам-то веришь?

– Я плохо вижу, у меня все в тумане. Дай мне руку, сделай милость.

Коркоран встал на колени прямо в пыль и взял в свою руку тонкие сильные пальцы умирающего.

– Как темно, – выдохнул Бристолю, глядя прямо перед собой широко открытыми глазами. – Так вот, об этом деле. Право, не знаю, что и думать. Что, если бабы и детишки говорят правду? И Санта-Клаус есть на свете, и все другое? Ведь если это правда, – сколько мне придется платить, страшно представить! Ты ведь не думаешь, что это правда, а, друг?

Несчастный смотрел на своего собеседника невидящими глазами. Теперь он просил и умолял, словно нищий.

– Если это правда, – отвечал Коркоран, – то не следует терять надежды, Бристолю. Ты же знаешь, что говорят проповедники: их Бог – это Бог милосердия.

– Проповедники? Это те, что указывают, как попасть на небо? Попы, что ли? Им ведь многие верят.

– Совершенно верно.

– Вот если бы... если бы один из них был здесь. Мог ли бы он указать мне путь теперь... после всего, что я творил?

– А ты бы этого хотел?

– Подумать только, что я засну и больше никогда не проснусь! Подумать только! Превратиться в голый скелет, начисто обглоданный стервятниками! Человек, который говорил, думал, помнил, – как он может превратиться в прах, Коркоран? Как это может произойти?

– А может быть, это и не так.

– Если бы попасть в церковь... друг...

– Бристолю, церковь тебе не нужна: говорят, достаточно просто раскаяться.

– Коркоран, это правда! Вот он я! И я раскаиваюсь! Не хочу оставаться во тьме – вместе с лошадьми, собаками, коровами, Коркоран! Дай мне еще одну возможность! Еще одну возможность! Вот если бы попасть в церковь, если бы здесь был поп, проводник на небо!..

– Успокойся, друг! Очень может быть, что Господь все это время смотрит на тебя, хоть ты об этом и не подозреваешь. Может быть, он и сейчас тебя слушает.

– Коркоран, Коркоран! Ты умный человек. Что мне сказать Господу, чтобы он услышал? Что мне ему сказать? – Он вцепился в своего убийцу, с трудом выговаривая слова.

– Я... я не знаю, Бристолю, – в замешательстве пробормотал Коркоран. – Я просто не знаю.

– Он, наверное, захочет, чтобы я помолился. Коркоран, скажи мне какую-нибудь молитву!

– Я, кажется, знаю одну, Бристоль. По крайней мере, почти всю. Повторяй за мной, если хочешь.

– Нет, не так! В церкви становятся на колени. Ради всего святого, помоги мне встать на колени!

И вот, сгибаясь под тяжестью умирающего, Коркоран помог Бристолу встать на колени и поддерживал его слабеющее тело.

– Повторяй за мной: «Отче наш, иже еси на Небеси...»

– «Отче наш, – шептали непослушные губы Бристоля, – иже еси на Небеси».

– «Да светится имя Твое».

– Что это означает, Коркоран? Как может имя светиться?

– У нас нет времени на объяснения. Просто повторяй слова. Если есть на свете Бог, он знает, что твои слова идут от сердца.

– «Да светится имя Твое!» – шептал Бристоль.

– «Да приидет царствие Твое; Да будет воля Твоя на земли и на небеси».

– «Да приидет царствие Твое», – выдохнул Бристоль. – Боже всемогущий! Дай мне еще только один шанс! Не такой уж я подонок! «Да будет воля Твоя на земли и...»

Тяжелое тело Бристоля выскользнуло из рук Коркорана и легло на дорогу. Гарри Бристоль испустил дух. Коркоран поднялся на ноги, отряхнул пыль с колен и внимательно посмотрел на умершего.

– Очень странно, – сказал себе Коркоран. – Если мне придется еще раз участвовать в подобном деле... я, возможно...

Он поднял голову и увидел, как по голубому куполу неба пролетело легкое белое облачко и скрылось из глаз.

Глава 3

Обычным местопребыванием шерифа округа Сан-Пабло был город Юджин, где обособилась вся администрация округа. Другие шерифы в подобных обстоятельствах предпочли бы находиться подальше от линии криминального фронта, который все больше набирал силу в Сан-Пабло. Но вот Майк Нолан чисто по-детски имел обыкновение относиться к любому делу серьезно. Данную проблему он обдумал со своей обычной обстоятельностью. На это у него ушла целая неделя, после чего он велел своей жене собирать вещи. Вместе со всем своим имуществом он двинулся в Сан-Пабло, и в один прекрасный день его упряжка показалась на главной улице города, окруженная зловещим облаком молчания.

Сан-Пабло не выслал ему навстречу приветственную делегацию. Прямо говоря, в Сан-Пабло он был никому не нужен. У города были свои дела, которые занимали все его время. В числе этих дел, к примеру, было и такое: он освобождал от лишних денег легкомысленных и доверчивых шахтеров, попадающих в город, чтобы провести время весело и с шиком. Сан-Пабло предоставлял им и веселье и шик. Постоянный обильный поток золота и серебра притекал в город, оседая в карманах горожан, и они не хотели, чтобы им в этом кто-то мешал.

Вот почему они сразу взялись за дело и в первый же день послали к шерифу Олли Хейнса, чтобы тот с ним поговорил. Олли начал с обычным для него красноречием, держа в каждой руке по кольцу, однако ему не удалось высказать все, что он собирался сообщить. Шериф высказался первым, и для Олли «наступило вечное молчание».

Сан-Пабло, однако, не унывал. Он осмотрелся и подтянул свои резервы. В числе этих резервов нашлись два человека, известные не только как рыцари ножа и пули, но и как люди, начисто лишённые щепетильности, когда дело касалось нападения исподтишка. Это были Крис Ньюсон, за которым числилось немало краж скота и дюжина убийств, и Хенк Лоренс, прославившийся скорее как убийца, нежели как вор.

Эти двое нанесли визит шерифу довольно неожиданно, как раз в тот момент, когда он расседлывал лошадь в сарайчике, служившем конюшней для его упряжки. Шериф получил небольшую рану в левую руку. Крис Ньюсон скончался на месте; Хенку Лоренсу ночью удалось уползти, и он умер в поле. Его нашли на следующее утро.

Поскольку город не взял на себя ответственность за это подлое трусливое нападение, то есть никто не взялся хоронить негодяев и вообще никто не обратил на случившееся никакого внимания, шериф погрузил их тела на свою тележку и нанял трех мексиканцев, чтобы они вырыли могилу. На похоронах, которые состоялись без участия священника, присутствовал почти весь город. Речь над могилой произнес шериф. Она была коротка, однако, по мнению обитателей Сан-Пабло, достаточно красноречива.

Вот что сказал шериф:

— Джентльмены, нет никакого сомнения в том, что вы можете со мной расправиться. Целый город, конечно, сильнее, чем один человек. Но пока вы будете этим заниматься, вполне возможно, пострадает кто-нибудь из вас. Кроме того, если вы меня убьете, перед вами встанет более серьезная проблема. Как только со мной что-нибудь случится, губернатор вызовет войска, и к вам придут парни из милиции штата. Уж они сумеют с вами справиться. Итак, друзья, подумайте и решите, что вам делать. Все. Засыпайте могилу, ребята.

И он отбыл, в то время как мексиканцы засыпали землей грубо сколоченные гробы.

Сан-Пабло удалился для размышления, поливая свои мозги контрабандным виски, и пришел к заключению, что лучше пока оставить все как есть, как бы скверно ни было это «пока». На шерифа больше никто не покушался, ему было дозволено жить и действовать. Когда он совершал аресты, ему никто не препятствовал, при условии, что этих арестов будет не слишком много, и он постарался, чтобы их действительно было немного.

Он писал губернатору:

«Наводить порядок в Сан-Пабло рано, время еще не пришло. Город «гуляет». Для того чтобы усмирить буйнов, понадобилось бы не менее тридцати разборок, во время которых погибнет много хороших людей. Примерно через месяц наступит похмелье, и когда у них начнет как следует болеть голова, я начну сажать, кого нужно, за решетку и наведу порядок с такой быстротой, что у этих смутьянов просто закружится голова. Именно это я собираюсь сделать, о чем и сообщаю.

А сейчас, как мне кажется, лучше всего повременить и дать им возможность повариться в собственном соку. Сейчас у меня две, а то и три тысячи парней, которые любят поиграться оружием, непрерывно пьют и, дай им только повод, тут же превратятся в разъяренную толпу и с удовольствием линчуют своего шерифа.

Дайте мне время, позвольте поступать, как я считаю нужным. Я нечасто произвожу аресты, зато сажаю самых опасных, в основном настоящих убийц. Мелкая рыбешка пока гуляет на свободе. Они палят друг в друга, избавляя штат от расходов на пулю или веревку, а также на бесплатное содержание в тюрьме».

Таково было мнение шерифа, которое разделял и губернатор. Ему было известно, что корреспонденты газет были счастливы, что имеют возможность писать о таком прелестном и примитивном местечке, как Сан-Пабло. Пройдет еще немало недель, прежде чем они обрушатся на власти штата за попустительство.

Таково было положение вещей. Шерифу же с каждым днем становилось все страшнее. И с каждым днем жители города все больше убеждались, что стоит им расправиться с шерифом, как они тут же окажутся лицом к лицу со стоглавым чудовищем – законом. Кроме того, шериф понимал, что за его спиной стоит законопослушное население Сан-Пабло, не слишком многочисленное, но всегда готовое оказать ему поддержку. И даже головорезы-одиночки, промышляющие с помощью оружия вокруг границы, начинали инстинктивно понимать, что они бессильны против организованных действий большой массы людей, которые решили безоговорочно подчиниться руководству властей, – совершенно так же, как дикари, дивясь дисциплинированному войску, одновременно презирают его и боятся.

Именно в этот период карьеры шерифа Майка Нолана к нему в контору явился незнакомец чуть выше среднего роста; однако он был так хорошо сложен и все его поведение было исполнено такого достоинства, что он производил впечатление человека рослого, пока рядом с ним не становился кто-то по-настоящему высокий. У него были выразительные серые глаза, очень светлые брови и ресницы.

Шериф посмотрел на него с удивлением, которое было вызвано не внешностью незнакомца, а тем фактом, что ему вообще удалось оказаться в Сан-Пабло и благополучно проехать по его шумным улицам, где шатались буйные толпы пьяных гуляк. Шериф просто не мог понять, как это могло произойти. Его привело в изумление и то, что с десятков хулиганов, которые постоянно отирались вокруг его дома и офиса, не воспользовались возможностью отпустить в адрес незнакомца пару-другую язвительных замечаний. Ибо даже сам шериф, манеры которого были безукоризненны с точки зрения кодекса Запада, чувствовал, что его губы невольно складываются в улыбку.

Улыбка, однако, так и не появилась. В облике вошедшего человека было что-то такое, что этому помешало. Свой хлыст он держал в руках так, словно это был не хлыст, а скипетр. Голову он нес так высоко и горделиво, словно был хозяином всего городка Сан-Пабло и словно весь дом шерифа со всем, что в нем находилось, тоже принадлежал ему. Вот так вошел этот незнакомец к шерифу Майку Нолану.

Стоя в дверях, незнакомец снял белый шелковый платок, который был повязан вокруг шеи, встряхнул его, аккуратно сложил и спрятал в карман. Затем снял шляпу, вытер лоб дру-

гим платком, несколькими ловкими округлыми движениями отряхнул пыль со своего платья и только тогда предстал перед шерифом Ноланом.

Шериф с изумлением увидел перед собой человека, по виду которого никак нельзя было сказать, что он долгие часы провел под палящим солнцем. Все в нем говорило об изяществе, а сапоги были начищены и зеркально блестели до такой степени, что, глядя в них, можно было бриться. Самым же удивительным оказалось то, что, когда он снял шляпу, волосы его не были спутаны и растрепаны и не мокры от пота после долгого пребывания в седле, а, напротив, аккуратно причесаны и разделены безукоризненным пробором. И в то же время лошадь у конюязи, на которой приехал этот странный человек, вся была покрыта красной пылью Юджина и серой грязью остальных миль долгого пути. Эти детали, на описание которых ушло столько времени, шериф заметил, бросив лишь один взгляд, на который не потребовалось и секунды. После этого он указал пришедшему на стул.

– Меня зовут Томас Нейсби Коркоран, – представился незнакомец.

Шериф порывлся в памяти. Где-то в самой ее глубине шевельнулось это имя. Оно маячило далеко, на самом горизонте. Точно сказать он не мог. Тем временем с удивлением про себя отметил, что отчетливо выговоренное незнакомцем имя отнюдь не казалось неуместным. И шериф решил, что в его краях, к западу от Миссисипи, ни один человек, кроме этого, не смог бы представиться полным именем, состоящим из семи слогов, – его немедленно подняли бы на смех. И в то же время он понял, что к этому человеку никак нельзя было обратиться, назвав его Том Коркоран. Его нельзя было назвать и Томасом Коркораном. Обращаясь к нему, нужно было назвать его полное имя, произнося его ясно и отчетливо, – Томас Нейсби Коркоран.

– А я Майк Нолан, – представился шериф и протянул руку.

Рука его сразу же упала вниз, а челюсть выдвинулась вперед. Что ни говори, а шериф был ирландцем, и в нем мгновенно вскипела кровь: дело в том, что незнакомец не сделал ни малейшей попытки пожать протянутую Ноланом руку.

– Прежде чем мы станем друзьями, – проговорил Коркоран, – мне кажется, вам следует кое-что обо мне узнать, шериф, например, чем я занимаюсь, каков мой бизнес.

– Бизнес свой можете оставить при себе, – раздраженно отозвался шериф. – Я не собираюсь ни о чем вас расспрашивать.

– Мой бизнес, – сказал тем не менее Коркоран, – карты.

Голубые, близко посаженные глаза шерифа, словно у бультерьера, при этих словах широко раскрылись. Они никак не отвечали первому впечатлению, которое у него сложилось об этом человеке. Нолан готов был поспорить на крупную сумму, что незнакомец – один из новых шахтовладельцев, тех самых дельцов с Востока, которые скупили крупные пакеты акций рудников и приисков в Команчских горах. Он кивнул Коркорану, не очень себе представляя, что делать дальше, смущенный из-за допущенной ошибки и все еще не остывший от нанесенного оскорбления; теперь, однако, он начал понимать, почему Коркоран поступил именно так.

– Играть, полагаю, собираетесь честно? – спросил шериф, не скрывая насмешки.

– Я самый бессовестный шулер, – ответил Коркоран, – когда играю с шулерами. Но уверен, что я самый честный игрок, когда играю с честными людьми. И тем не менее, – продолжал он, прямо глядя в глаза шерифу, – прежде чем открыть свое дело в Сан-Пабло, я решил, что следует зайти к вам и познакомиться.

Глава 4

Шериф удивился, и в то же время все это показалось ему весьма забавным.

– Похоже, что-то новенькое, – признался он. – Провалиться мне на этом месте, я никогда не слышал, чтобы человек говорил о своем бизнесе так, как это делаете вы. Может быть, вы хотите предложить мне стать вашим партнером, Томас Нейсби Коркоран?

– Если бы вы согласились, – отозвался этот удивительный Коркоран, – мы бы стали богатыми людьми уже через полгода.

– Это почему же? – спросил шериф.

– Потому, – ответил Коркоран, – что у вас репутация честного человека, а у меня – мозги шулера. Если соединить то и другое вместе, получится нечто вроде философского камня.

– Интересно, что это за камень такой? – поинтересовался шериф.

– Прошу прощения, хочу сказать, что если бы мы работали вместе, то могли бы превращать камень в золото. Но забудем об этом. Я не такой идиот, чтобы пытаться вас купить, шериф.

Нолан оценил этот тонкий комплимент, и ему стало приятно. Одно дело, когда тебя хвалят за честность другие честные люди, и совсем другое, когда даже воры признают за тобой это качество. На душе шерифа окончательно потеплело. Ему пришлось прикусить губу, чтобы не улыбнуться.

– Ну хорошо, Коркоран, – сказал он значительно мягче. – Вы, конечно, человек сомнительный. Однако, надо отдать вам должное, действуете вы прямо. Итак, вы приехали в Сан-Пабло, чтобы здесь работать, верно?

– Такова моя основная цель.

– Ну хорошо, а почему вы пришли ко мне?

– Потому что мне удивительно везет в карты. Понимаете? Я подозреваю, что пройдет совсем немного времени, и до вас начнут доходить разные слухи. Обо мне будут говорить, что я жулик, мошенник и прочие неприятные вещи. Но когда эти слухи дойдут до ваших ушей, шериф, я хочу, чтобы вы подумали дважды и не сразу безоговорочно им поверили.

Шериф еще раз внимательно на него посмотрел. Затем сбросил с исцарапанного стола ноги в сапогах со шпорами и с грохотом поставил их на пол, наклонившись вперед, к собеседнику:

– Скажите мне одно, Коркоран: вы готовы вступить в драку с нашими крутыми парнями?

– Не понимаю, что вы имеете в виду, шериф.

– Все очень просто, приятель. Вполне возможно, что раньше вам приходилось играть в мирных условиях и вам не грозила опасность. А вот в Сан-Пабло придется встретиться с весьма серьезными джентльменами, Коркоран. Они не остановятся перед тем, чтобы выхватить револьвер. В этом городе люди частенько предпочитают разговаривать с помощью кольта. Чтобы подсчитать количество разборок и перестрелок, понадобилась бы счетная машинка.

– Благодарю вас, – склонил в поклоне голову Коркоран. – Рад был услышать эту информацию относительно вашего города. – Он смотрел на шерифа так спокойно и невинно, что у того снова потеплело на душе, на этот раз от жалости.

– Коркоран, – сказал он, хлопнув себя по колену. – Сдается мне, ты хороший парень.

– Это очень любезно с вашей стороны, шериф.

– И мой тебе совет: садись на свою лошадь, как бы она ни устала, и уноси ноги из Сан-Пабло. Уезжай отсюда, а не то тебе будет очень плохо.

Коркоран хмуро смотрел в пол.

– Если же останешься здесь, – серьезно продолжал шериф, – даю тебе три часа, дольше твоя жизнь в Сан-Пабло не продлится.

– Что вы имеете против меня, шериф?

– Решительно ничего, если не считать покроя твоих штанов. Тебя подстрелят уже за одно то, что твои карманы набиты носовыми платками.

При этих словах Коркоран вздохнул и покачал головой.

– Думаю, вы совершенно правы, шериф, – согласился он. – Но какая жалость, что в мире столько грубых и жестоких людей.

– Я приберу их к рукам, если только повезет, – отозвался честный шериф. – У меня своя игра, Коркоран. В один прекрасный день эти негодяи дождутся, что я их всех арестую, и почувствуют, как я положу им руку на плечо. А куда уезжай из Сан-Пабло, пережди, пока здесь станет поспокойнее.

– Есть затруднение...

– Какое же?

– Прежде чем я отсюда уеду, я должен выполнить одно поручение.

– Может быть, я могу сделать это за тебя, приятель, а?

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Коркоран, – но дело, видите ли, в том, что поручение это исходило от умирающего человека.

– Правда? А могу я поинтересоваться, от кого именно?

– Я должен найти пасынка Гарри Бристоля.

– Этого рыжего чертенка? Ты имеешь в виду сына Джулии Керн?

– Должно быть, вы правы, – улыбнулся Коркоран. – Именно этого мальчика я и должен отыскать.

– Сдохнуть мне на этом месте, ему бы больше пристало быть сыном, чем пасынком Гарри Бристоля, уж больно он похож на этого старого черта. В жизни не встречал такого мальчишки. Дай ему только подрасти, и он станет грозой всей округи.

– А может быть, он исправится, когда немного повзрослеет? – заметил Коркоран.

– Это он-то? – фыркнул шериф. – В его натуре нет никаких задатков, которые помогли бы ему исправиться. Ничего хорошего, ни капли! Он мучит кошек ради того, чтобы послушать, как они вопят от боли; избивает ребятишек чуть не до смерти, пока они не попросят пощады. Суший волчонок, иначе его и не назовешь.

– Правда? Меня очень интересует такая порода, – заметил Коркоран. – Кроме того, я уже говорил, что у меня поручение к этому мальчику от его отчима.

– Ты, кажется, говорил, что Гарри Бристоль умирает?

– Уже умер.

Шериф свернул самокрутку и медленно прикурил.

– С чего начинается, тем и кончается. Этот Бристоль только и делал, что нарывался на неприятности. Вот и допрыгался. Скажи, а как это случилось? Напился и ввязался в драку?

– Нет, он затеял драку, если можно так сказать, совершенно трезвым. Просто залег в засаде, поджидая человека, который ехал в Сан-Пабло.

– Вот подонок! Ну и что, промахнулся?

– Путешественнику посчастливилось, он заметил, как сверкнуло солнце на стволе его ружья, он и убил Гарри Бристоля.

– Вот дьявол! Но Бристоль, Коркоран, был отличным стрелком, рука у него была чертовски...

– Совершенно верно, – перебил его Коркоран, – но даже у лучшего из стрелков бывают неудачные дни. Вы не могли бы мне подсказать, где я могу найти юного Керна?

– Этого чертенка? Не знаю, где он может быть. Ищи, где какая драка или свара, там найдешь и рыжего Вилли; он непременно окажется заводилой.

Коркоран направился к двери.

– А пока, – сказал он, – тысячу раз вас благодарю, шериф.

– Одну минутку, Коркоран. Ты, случайно, не знаешь имени этого джентльмена, который убил Гарри Бристоля, избавив полицию от необходимости его повесить?

– Знаю, – сказал Коркоран. – Это сделал я.

С этими словами он вышел на улицу.

Шериф некоторое время сидел неподвижно, глядя на дверь, словно все еще видел перед собой фигуру этого человека. В Сан-Пабло царила тишина. Время от времени слышалось журчание суетливой речонки Мирракуипы, и взгляд шерифа медленно скользнул по скалистым вершинам хребта Диггер.

– Сдохнуть мне на этом самом месте, – проговорил наконец шериф, – если я не вел себя как последний дурак.

Он вышел из офиса и стоял на веранде, наблюдая за тем, как Коркоран едет по улице на своем черном скакуне, который деликатно перебирал ногами, словно танцуя, – как будто бы перед ним шел военный оркестр. Всадник свернул в боковую улицу и скрылся из глаз, а шериф перешел на другую сторону, присоединившись к кучке зевак и бездельников, которые собрались возле лавки Куинела. Они поздоровались с ним без всякого энтузиазма, и он обратил внимание на их непривычное молчание.

– Что новенького, ребята? – спросил шериф.

– Новостей особых нет, – отозвался парень, что стоял ближе всех. – Старик Кертис продал свой участок в Команчах.

– Вы видели этого господина, который явился сегодня в город?

– Видели, – раздался в ответ два или три неуверенных голоса.

Шериф понял, что за этим что-то кроется.

– Я было подумал, что этот тип покажется вам интересным и вам захочется позабавиться.

– Верно говорите, интересный тип, вот только Джефу Туми не удалось особо позабавиться.

Шериф внимательно вглядывался в окружающие его лица. Туми был главным смутьяном и забиякой в Сан-Пабло, постоянно заводил здесь ссоры и драки.

– Что же сделал Туми? – спросил наконец шериф.

– А ему не понравилось, как выглядит незнакомец. Мы все видели, как это произошло. Туми ехал по улице и вдруг видит, навстречу ему едет этот тип – одет как-то по-чуждому и жеребец у него не такой, как наши лошадки. Вот Большой Джеф и остановил его.

– Похоже, он хотел ему что-то сказать – и указывал на шмотки, которые на нем надеты. А от Джессопа вышли другие ребята, чтобы поглазеть. Может, вы слышали, как они над ним хохотали?

– Слышал какие-то звуки, напоминающие смех, – подтвердил шериф. – Но слух у меня уже не тот, что раньше.

– Ну так вот, незнакомец послушал-послушал, что говорил ему Туми, а потом ответил, сказал что-то такое, что Туми не понравилось. Мы видели, как Джеф размахнулся, чтобы двинуть как следует этого типа, а тот просто пригнулся, так что здоровенный кулак Туми пролетел мимо, и чуть пришпорил своего конягу. Мы так и не поняли, как незнакомец это сделал, но только он развернул Туми, положил этак руку ему на задницу и просто вынул его из седла. Потом довез до Джессопа и швырнул на землю под навесом. Там Туми и остался лежать на земле, корчась от боли и хватаясь за правое плечо. Видно, сломал ему плечо этот незнакомец, а сам поехал себе дальше по улице, словно ничего не произошло.

Шериф испустил длинный глубокий вздох. Теперь он понял, почему город хранил глубокое молчание, когда Коркоран ехал по улице.

Глава 5

Они собрались возле громадного дуба – довольно большая компания. Некоторые сидели, удобно облокотившись на толстый ствол; кое-кто пристроился на нижних ветвях, которые торчали над самой землей. Другие стояли просто так или о чем-то тихо переговаривались. Но было ясно одно: вся компания охвачена какой-то одной общей идеей.

Коркоран прикинул, кто там был: должно быть, не менее тридцати мальчиков разного цвета – и гордые испанцы с оливковой кожей, которые держались кучкой, сторонясь других, – несмотря на юный возраст, они весьма ценили то обстоятельство, что в их жилах течет кастильская кровь; и мексиканские парнишки – на локтях и ладонях их темно-коричневая кожа побурела, а на пухлых щеках покрылась розовым загаром. Два-три негритянских подростка сияли белозубыми улыбками. И самая малочисленная группка состояла из настоящих, неподдельных американцев.

Этих последних сразу можно было отличить по глазам, в которых таилось что-то неприятное, и по дерзости, с которой они себя держали. На их лицах особенно была заметна работа мысли, а привычка вечно строить разные козни и махинации создавала иллюзию недетской мудрости.

Все они, за исключением испанцев, родители которых, по-видимому, издавна владели обширными угодьями в этом пустынном крае, все эти ребята были одеты кое-как – старые, истрепанные штаны с пузырями на коленях, босые загорелые ноги, рубашки – скорее всего перешедшие по наследству от других членов семьи, – у которых рукава были обрезаны чуть ли не у самых подмышек, а ворот свободно болтался вокруг худой тонкой шеи.

Коркоран остановил своего жеребца возле дуба и спокойно смотрел на собравшихся.

Прошло не менее пяти минут, пока волнение и шум, вызванные его появлением, наконец успокоились. Ребята не видели стычки между Коркораном и Джефом Туми – этот подвиг снискал Коркорану расположение и почет среди жителей Сан-Пабло. В то время как старшие представители населения города наблюдали за поучительным зрелищем, эти юные дикари были заняты поисками сокровища более драгоценного, чем золото, – им нужно было развлечься и, следовательно, подстроить какую-нибудь очередную каверзу. Глядя на незнакомца, они не испытывали ни страха, ни благоговения: при его появлении они попросту разразились хохотом.

Их словно захватила волна веселья. На него указывали пальцем, его шляпа, сюртук, седло, его сапоги – все подверглось осмеянию. Не было такого предмета, который не был бы достоин насмешек, они снова и снова показывали пальцами, прыгали в восторге и приплясывали от избытка энергии, стараясь между тем выбрать такое местечко среди ветвей, чтобы при случае можно было дать стрекача, если незнакомцу вздумается вдруг погнаться за кем-нибудь из них.

Коркоран, однако, просто махнул в их сторону хлыстом. Потом достал портсигар, длинный, тонкий, из чистого золота, с затейливой монограммой, и открыл его, тщательно выбрав сигарету и закулив под новый взрыв смеха.

Дело в том, что юные бандиты уже курили, но они довольствовались самокрутками, и фабричные сигареты рассматривали как показатель слабости, достойной всяческого презрения, каковое они и выказали Коркорану посредством пронзительных криков и улюлюканья. Тот же по-прежнему спокойно смотрел на эту орущую толпу, а потом махнул рукой и улыбнулся.

Крики стихли. В полном соответствии с полученным воспитанием ребята ожидали, что он вот-вот набросится на них с хлыстом; они были готовы к тому, что он накинёт на кого-то веревку и стащит с дерева. Капитуляция незнакомца, его кроткий отказ от борьбы нанесли сокрушительный удар: мальчишки с удивлением посматривали друг на друга, и смех мало-

помалу утих. Когда они увидели, что незнакомец не ругается и не грозит им страшными карами, что в ответ на их насмешки он только улыбается, их настроение начало меняться.

Больше всего на свете мальчишкам импонирует что-то новенькое, – не считая, разумеется, того, что вызывает их искреннее уважение, и того, чем они могут безусловно восхищаться. В Сан-Пабло они ни с чем подобным еще не встречались. Это было непредвиденное явление, к тому же еще и весьма удивительное. Ибо перед ними оказался человек, которого ни его одежда, ни необычное седло, ни даже фабричные сигареты не сделали смешным.

И тут Коркоран обратился к собравшимся мальчишкам:

– Хотел бы я знать, не может ли кто-нибудь из вас дать мне кое-какую информацию?

– Чтоб я сдох, он разговаривает, как училка! – высказался один из ребят.

– Заткнись! – остановил другой. – Тебе что, не нравится, что он такой вежливый?

– Конечно можем, мистер, – ответил третий. – Говорите, что вы хотите узнать.

– Я ищу одного молодого человека, насколько я понимаю, он находится в Сан-Пабло.

Наступило напряженное молчание.

– У меня для него хорошие новости, – продолжал Коркоран. – Если вы поможете мне его найти, я буду вам бесконечно обязан.

– А как его зовут?

– Вилли Керн.

По рядам парнишек прокатился стон. Один из них, постарше других приятелей, выступил вперед. Это был неуклюже большерукий и большеногий подросток; он встал перед Коркораном, засунув большой палец за подтяжки, поддерживающие на нем штаны.

– Незнакомец, – с достоинством проговорил он, – не кажется ли вам, что вы над нами подшучиваете?

– Не понимаю, что вы хотите этим сказать, уважаемый друг, – искренне удивился Коркоран. – Я спрашиваю о Вилли Керне, а вы говорите, что я над вами смеюсь. Нет, я нисколько не шучу, мне действительно нужно его найти.

– Послушайте-ка, – сказал давешний оратор, – я не богатый человек, но отдам перочинный нож, у которого есть одно хорошее лезвие, и свою рогатку – замечательная вещь, – с удовольствием отдам тому человеку, который покажет мне, где находится Вилли Керн, чтобы... – Остаток его речи потонул в гуле возмущенных голосов его товарищей.

– А вы что, тоже его ищите? – спросил Коркоран.

В ответ раздался хор пронзительных выкриков, напоминавших лай своры собак, но стало ясно, что каждый выражал желание сдохнуть, только бы разделаться с этим Вилли Керном.

– Сколько же времени вы его ищите? – спросил Коркоран.

– Сколько времени? Да наверное, в общей сложности уже года полтора.

– Полтора года! Неужели его невозможно застать в школе?

– Разве мы не старались, мистер? Мы испробовали абсолютно все. Если подстерегаем его утром, он является последним, а училка ничего ему не делает, потому что знает, почему он опаздывает.

– Как тебя зовут?

– Ральф Кромарти.

– А меня – Коркоран. Рад с тобой познакомиться, Ральф.

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, мистер Коркоран.

– Значит, насколько я понимаю, учительница держит сторону Вилли Керна?

– Не знаю, в чем тут дело, – проговорил Ральф Кромарти, снимая шапку и покачав косматой головой, – только папаша мой говорит, что бабы всегда связываются с самыми никчемными.

– Святая истина, прав твой папаша. А перемены? Вы что, не можете его поймать на перемене?

– А он не выходит играть. Он сидит в классе и любезничает с мисс Мерран.

– Это, наверное, и есть учительница?

– Точно. Просто сидит в классе и рассказывает ей разные сказки. А папаша мой говорит, что бабам сказки только и подавай, им правда вовсе не нужна.

– Твой папаша, по-видимому, настоящий философ, Ральф. А после школы? Неужели вы не можете его поймать после уроков?

– Понимаете, мистер Коркоран, он всегда первым убегает. Шмыг в дверь – и нет его, а то и в окно выпрыгнет. Мисс Мерран все ему позволяет. На него и внимания не обращает, а за нами следит в оба, мы должны выходить спокойно, не торопясь и соблюдать порядок.

– А когда вы вышли из школы, когда свободны, все равно не можете его поймать?

Ральф Кромарти беспомощно огляделся, пытаясь найти какой-нибудь предмет, с помощью которого он мог бы объяснить свою мысль.

– Посмотрите-ка вон туда, мистер Коркоран.

– Я вижу точку в небе.

– Это ястреб, сэр.

– Ну и что?

– Вы можете его поймать?

– Нет, конечно.

– Ну вот, и мы не можем поймать Вилли. Мой папаша говорит, что у труса быстрые ноги. Я вот, например, бежать не собираюсь. Совсем не хочу, чтобы мне *пришлось* убегать.

– Очень достойная мысль, – серьезно заметил Коркоран. – Но что сделал этот Вилли, что вы все его так ненавидите?

Для Ральфа Кромарти это было слишком. Трижды пытался он заговорить, и всякий раз слова застревали у него в горле – мысли обгоняли одна другую, а слов было так много, что они просто душили его. В конце концов он обернулся к товарищам и, широко раскинув руки, обратился к ним за помощью.

– Ребята, – сказал он. – Этот джентльмен хочет знать, что нам сделал Вилли!

В ответ раздался всеобщий вопль негодования.

– Подойди сюда, Томми, – позвал Ральф Кромарти. – Смотрите!

К ним медленно подошел паренек, немного ниже ростом, чем Ральф; вокруг глаза у него красовался здоровенный лиловый синяк.

– Посмотрите, мистер, что он сделал моему братишке.

– Неужели? – удивился Коркоран. – Как же это произошло?

– Поймал его, когда брат был один, и напал сзади. Он всегда так действует, этот Вилли Керн, чтоб ему провалиться!

– Я считаю, что в это дело должен вмешаться шериф, – решил Коркоран.

– Папаша ходил к шерифу, а шериф ему сказал, пусть сами поймают Вилли и отколотят его. Вот мы и хотим это сделать. Мы и до того охотились за ним года полтора, а когда шериф это сказал, папаша посоветовал нам собраться и всем вместе на него охотиться. Вот это самое мы и делаем уже целый месяц. Но пока нам не везет.

– Вот что я вам посоветую. Вы должны рассредоточиться, не нужно сбиваться в кучу. Сколько потребуется человек, чтобы сладить с Вилли?

– Если бы он вышел и стал драться по-честному, один на один, тогда любой мог бы его победить. А он действует так, что почти каждому из нас от него досталось. Кроме меня, – гордо добавил он, – на меня он боится нападать, даже исподтишка.

– А вы попробуйте, ради безопасности,делиться на пятерки. У вас получится примерно шесть групп. Подумайте только, ведь тогда вы сможете искать его в самых разных местах! А в каждой группе будет шестеро, это все равно что тридцать. Разве не верно я говорю?

– Верно! – воскликнул Ральф.

Было ясно, что в этой армии Ральф был генералом. Он свистом собрал мальчишек вокруг себя и тут же принялся делить свое войско на отряды. В компании подростков таланты каждого известны всем. У взрослых могут возникнуть сомнения как в самих себе, так и в других людях. Банкир, к примеру, может презирать кузнеца или же, напротив, испытывать к нему уважение, подозревая в нем неведомые достоинства. А вот среди ребят никаких таких тайн не существует. Один быстро бегает, другой хорошо соображает, у третьего несомненные заслуги по части кулачного боя, а есть и несколько гигантов, подобных Ральфу Кромарти, которые могут похвастать как умом, так и силой.

Таким образом, он мог сразу же и без колебаний назвать своих лейтенантов, причем так удачно, что ни одна кандидатура не вызвала возражений. Каждый из них был достойным и доблестным лидером, которому не стыдно было повиноваться. Главный начальник назначил каждому свой участок для поисков. Сам же Ральф останется на центральном обзорном пункте, чтобы получать донесения. А для этого не было лучшего места, чем огромный старый дуб, возле которого Коркоран и обнаружил всю компанию.

– Я дам пять долларов тому мальчику, который первым его найдет, – крикнул Коркоран. – И еще пять тому, кто его приведет ко мне.

Это царственное предложение было встречено восторженными криками, и в то же мгновение мальчишки разбежались.

Глава 6

Коркоран спешился и занял место возле генерала и его сподвижника – здоровенного широкоплечего парня с толстой шеей, сильного как буйвол. Однако одного взгляда на его узкий лоб было достаточно, чтобы понять, в чем заключается его слабость: это был всего лишь преданный пес, верный почитатель величия Ральфа Кромарти. Он буквально пожирал глазами своего достопочтенного командира. Малейшее желание великого человека мгновенно угадывалось и исполнялось, насколько это было в силах верного почитателя.

С того места, которое выбрал Кромарти, юный Крошка Сондерс поспешно разбросал ногами валявшиеся там ветки и сучья, а сам уселся рядом, выбрав такое место, с которого ему все время было видно лицо Ральфа.

Закончив переговоры, они некоторое время спокойно сидели молча. Их разгоряченные лица овеял легкий ветерок; осушив пот, вызванный обсуждением стратегии поисков, он снова стал знойным. Они сидели в пятнистой тени могучего дерева. Время от времени на землю с тихим шорохом падал лист. Высоко в ветвях тараторила белка.

Внизу под ними лежал Сан-Пабло, его белые стены сверкали в лучах заходящего солнца, а сам город окружала широкая серая полоса лачуг и палаток; из города и в город тянулись фургоны. Если хорошенько напрячь слух, можно было слышать стук колес по мосту через Мирракуипу, соединяющему обе части Сан-Пабло.

– Что вы будете делать, когда поймаете Вилли? – спросил Коркоран.

В ответ послышался глубокий продолжительный вздох. Так мог бы, наверное, вздохнуть пилигрим, который увидел наконец сказочные купола Мекки, возвышающиеся на фоне голубого вечернего неба.

– Когда мы его поймаем?

– Да, когда поймаете... Что вы с ним сделаете?

– Мистер Коркоран, *чего* мы только с ним не сделаем! Я, например, придумал, что я с ним сделаю. Не знаю, как остальные. Думаю, у каждого есть свои идеи на этот счет.

– Ну а ты, Крошка?

Крошка повернул в сторону Коркорана свою устрашающую физиономию и улыбнулся, сощутив глаза, так что они почти закрылись.

– Я знаю, что сделаю.

– Тебе тоже от него доставалось, Крошка?

– Один раз я купался, – медленно начал Крошка. – Он подобрал камешек и, хорошенько прицелившись, метнул его в самую середину лежавшего в отдалении сучка. Я купался в заводи, вокруг никого не было. Я нырнул. Только собирался вынырнуть, как вдруг вижу: у меня над головой появилось в воде что-то белое и блестящее, а потом две руки схватили меня за горло. Представляете, как он меня подловил! Я в воде, у меня – никаких шансов. Я уже начал задыхаться, ей-богу. Отбиваюсь, работаю руками, ногами, а он все держит меня за горло, и я ничего не могу поделать. Скоро в глазах у меня потемнело, и тогда этот тип вытащил меня из воды и бросил на берегу; я долго потом кашлял и плевался, мне было ужасно плохо.

– И это сделал Вилли Керн?

– Конечно Вилли, – подтвердил мальчик.

– Ты же его не видел, как ты можешь утверждать?

Мальчики обменялись красноречивыми взглядами.

– Это был Вилли, – сказал Ральф Кромарти. – Дело не в том, что именно он сделал с Крошкой, дело в том, как он это сделал. Никто из наших на это бы не решился, побоялся бы, что Крошка утонет, умрет, если пробудет под водой слишком долго. А Вилли – он всегда знает, как далеко можно зайти. Верно вам говорю, мистер Коркоран, плохой он человек.

– Ну что же, – сказал Коркоран, – скоро мы положим конец этим неприятностям с Вилли Керном. Теперь, когда мы назначили за его поимку награду в десять долларов и разделили всех на шесть отдельных отрядов, мы непременно найдем, где он прячется, и вытащим его оттуда.

– Черт! – выругался Ральф Кромарти: маленький сучок, который плохо держался на ветке, свалился ему чуть не за шиворот.

Заведя руку за спину, насколько возможно, чтобы достать сучок, Ральф невольно взглянул вверх.

От того, что он там увидел, на лице его появилось выражение ужаса и полного недоумения. Коркоран, метнув взгляд в том же направлении, увидел мальчишку, который висел на вытянутых руках прямо над начальником своего войска. Как он мог туда попасть, оставалось только догадываться. В тишине, которая царила вокруг, казалось просто невероятным, что можно было спуститься вниз по стволу или передвигаться вдоль ветвей старого дуба, не привлекая внимания. Даже легконогая белка, которая шныряла вверх-вниз по дереву, и та, царапая своими коготками по коре, создавала достаточно шума, который могли уловить их чуткие уши. И тем не менее мальчишка был здесь, он, должно быть, ухитрился спуститься с самой верхушки дерева. Всего лишь несколько минут назад на этой самой ветке сидели члены шайки Ральфа Кромарти. А теперь ту же удобную позицию занимал этот похожий на кошку мальчишка.

Разумеется, эти соображения пронеслись в мозгу Коркорана со скоростью света. Его быстрый взгляд моментально зафиксировал юное гибкое тело, стальные мускулы, которые выступали тонкими нитями на загорелых руках, пару блестящих синих глаз, копну волос цвета рыжего пламени, а также выражение хитрости и злокозненности на лице парнишки.

Для того чтобы произвести этот осмотр, в распоряжении Коркорана была всего лишь доля секунды, пока он смотрел вверх. А потом руки мальчишки разжались, и он спрыгнул вниз, на землю. Бедняга Ральф Кромарти не успел и шевельнуться. Словно цепкие задние лапы обезьяны, ноги атакующего противника обвилились вокруг тела Ральфа, в то время как сила удара падающего тела пригвоздила его к земле, вышибив из него весь воздух до последней капли. Рыжая обезьянка, соскочившая с дерева, сидела на нем верхом, приготовив крепкий кулак, для того чтобы нанести последний сокрушающий удар. Увидев, однако, что его враг абсолютно беспомощен и безопасен, он вскочил на ноги, чтобы подготовиться к нападению на доблестного Крошку Сондерса.

Этот юный герой, ошеломленный неожиданным явлением, а также падением своего идола, тоже вскочил наконец на ноги и бросился в атаку, наклонив вперед голову и защищая ее кулаками, похожими на рога. Своего противника он встретил раньше, чем ожидал.

Даже быстрый взгляд Коркорана не смог уследить за тем, как все произошло. Он только увидел, как внезапно появившийся мальчишка кошачьим движением подскочил в воздух и в тот же момент оказался верхом на Крошке, обвив его ногами и молотя кулаками. Сцепившись, оба покатались по земле. На мгновение мелькнуло искаженное болью лицо Крошки, на котором был написан ужас. Они снова вскочили на ноги, однако в сердце Крошки Сондерса скорее всего уже не осталось боевого духа: он бежал с поля боя, бежал с отчаянными воплями, оставив своего командира продолжать битву самостоятельно, в одиночестве.

Ральф Кромарти оказался в этот день на высоте, не посрамив своей репутации. Он поднялся на ноги, судорожно глотая воздух – к нему все еще не вернулось нормальное дыхание и в голове слегка мешалось от перенесенного шока. И тем не менее, окинув мутным взором фигуру своего противника, он встал в боевую позицию, стиснул зубы и приготовился к худшему с терпением, достойным настоящего мужчины.

Однако этот рыжий хулиган отнюдь не выказывал намерения покончить дело одним ударом. Пританцовывая вокруг Ральфа, он ударил его по лицу открытой ладонью. От мощного ответного удара он ловко увернулся, ретиrowавшись в более безопасное место.

– Отдышись сначала, Ральф, – посоветовал он. – Я не собираюсь с тобой драться, пока у тебя нет никаких шансов. Когда будешь готов, скажи. Вот мы наконец и встретились один на один, и я не я буду, если мы не выясним с тобой, что к чему.

Кромарти кивнул. Держась одной рукой за дерево, он долго стоял, наклонив голову и пытаясь восстановить дыхание. Пока это длилось, юный незнакомец ожидал, сложив руки на груди. Ум его, однако, не бездействовал. Коркоран видел, как его быстрые глаза скользили по земле, словно снимая карту местности для будущего боя, не упуская ни единой детали, – видели все, кроме самого Коркорана. Этого взрослого маленький истребитель просто не замечал, словно его там и не было.

И вот Ральф Кромарти сделал последний глубокий вдох. Противники стояли друг перед другом, бросая друг другу вызов, – быстроногий Ахилл и гигант Гектор, укротитель коней.

– Ну что, готов ты получить от меня трепку? – спросил рыжий, засучивая рваные рукава на сильных загорелых руках.

– Сын мой, – снисходительно ответил Ральф, – дай мне только с тобой разделаться, и ты превратишься в дохлую собаку.

Было похоже на то, что Кромарти действительно в силах осуществить свою угрозу, будучи выше, шире в плечах и тяжелее своего противника; к тому же имел и возрастное преимущество – был на год или два старше. Этому можно было противопоставить разве только необычайную подвижность рыжего героя и неукротимый огонь, горевший в его синих глазах. Коркорану казалось, что младшего из бойцов можно свалить одним ударом. Но казалось до того момента, как начался бой.

– Начинай, – скомандовал рыжий. – Не могу дождаться, пока ты станешь размахивать кулаками, словно ветряная мельница.

– Дай только мне с тобой расправиться, и ты у меня не так запоешь! – не остался в долгу Кромарти.

– Ты, со мной? – поддразнивал рыжий и востроглазый. – Да я каждое утро для зарядки перед завтраком бью пару таких, как ты.

– Ну ты, сопливый недоносок! – издевался Ральф.

– Сын мой, за это ты у меня получишь еще и в нос! – отозвался второй и тут же привел свою угрозу в исполнение.

Его коричневый кулак мелькнул со скоростью пули, с хрустом опустившись на нос Кромарти, из которого тут же хлынула кровь, стекая по подбородку и шее. Кромарти немедленно ответил, причем бил он с такой злостью, что даже закрыл глаза. Рыжий отскочил в сторону, и мощный кулак его противника пролетел мимо, в какой-то микроскопической доле дюйма от цели. Коркоран даже слегка приподнялся, чтобы лучше все видеть.

– С твоим младшим братом я, похоже, ошибся, – сообщил рыжий. – Подбил ему только один глаз. С тобой такой ошибки не случится, ты у меня получишь по фингалу с обеих сторон, а не то придется тебе ходить кривым.

Ральф Кромарти бросился на противника, наткнувшись на два неумолимо разящих кулака, нацеленных в оба его глаза, и отступил назад, почти ослепнув. Он снова бросился в атаку, и снова его встретили эти ловкие загорелые кулаки, попадающие в цель, подобно игроку в крикет, который точно бьет по мячу.

– Перестань скакать, стой спокойно и дерись! – крикнул Кромарти, бросаясь на противника и встречая только пустоту, из которой на него обрушивался град ударов. – Я дам тебе двадцать пять центов, если ты будешь стоять на месте!

– Да так я и *возьму* у тебя этот четвертак! – презрительно ответил рыжий, яростно набрасываясь на врага.

Два молодых тела, сплетясь в единый комок, катились по земле, яростно молотя друг друга. В конце концов Ральф Кромарти оказался прижатым к земле; лицо его было измазано кровью, а малыш сидел верхом на его груди, держа над ним кулак.

– Сдаешься? – спрашивал он.

– Пошел ты к черту! – простонал Ральф.

Кулак с силой опустился вниз.

– Сдаешься?

– Я тебя убью! – завизжал несчастный Ральф.

Кулак зловеще поднялся снова.

– Подожди-ка минутку, друг! – раздался в этот момент голос Коркорана.

Рыжий обернулся. В первый раз его голубые глаза посмотрели прямо на этого человека.

– Вы что, хотите поучаствовать?

– Мне кажется, – сказал Коркоран, – ты кое-что забыл.

– Может, его левый глаз?... – задумчиво проговорил рыжий.

– В тех краях, где я живу, лежачего не бьют.

Мальчишка покраснел как рак и тут же вскочил на ноги.

– Кромарти, – крикнул он, сверкая глазами, – если я поступил с тобой нечестно, можешь меня стукнуть.

Кромарти с трудом поднялся на ноги.

– Не знаю, – едва выговорил он. – Я плохо тебя вижу, не знаю, куда бить.

– Тогда отправляйся к остальным и скажи, что ты меня нашел, – сказал победитель. – Ты только начало. Мне сегодня хочется размяться.

Глава 7

Даже враг может иногда дать хороший совет. Бедному Ральфу ничего не оставалось делать, как только повернуться и, шатаясь, отправиться вниз с холма. Слава покинула его. Он больше не был непобедимым. Возможно, завтра ему придется начинать все с начала, то есть снова превратиться в рядового и кулаками пробивать себе путь наверх, чтобы стать лидером. О, какая горькая штука жизнь!

Победитель повернулся к Коркорану:

– Похоже, вы должны мне десять долларов.

– Десять долларов?

– За то, что вы встретились с Вилли Керном, и за то, что его к вам привели.

– Ты, конечно, и есть Вилли?

– Он самый.

Не говоря ни слова, Коркоран достал две пятидолларовые бумажки и протянул их парнишке, однако Вилли снова отчаянно покраснел и даже не пошевелинулся, чтобы взять деньги.

– Послушайте, мистер, – сказал он. – Я вспомнил об этом только потому, что был уверен, что вы мне их не дадите.

– Почему же, сынок? Возьми их, они твои.

Вилли немного отступил и выпрямился. Он действительно был дик и бесстрашен, как ястреб, с которым его сравнил Кромарти.

– Я не нищий, – ответил он. – Ни у кого не прошу того, что мне не принадлежит.

Коркоран хорошо знал, когда не следует настаивать. Он положил деньги назад в карман.

– Ну ладно, Вилли, – сказал он. – Ты заработал их, они твои, можешь получить, когда захочешь. Кстати, между нами говоря, у тебя, насколько я понимаю, никого нет. О тебе кто-нибудь заботится?

– Обо мне? Да мне никто и не нужен, на кой черт, чтобы обо мне заботились?

Он говорил отвернувшись, так, чтобы держать в поле зрения всю окрестность.

– Значит, живешь самостоятельно?

– Конечно.

– А как зарабатываешь на жизнь?

– Работаю, чаще всего за харч и койку, где можно переспать, – ответил мальчик.

– Что же это за работа?

– Да разная. Я мог бы, например, бросать лассо, если бы у меня была лошадь. Спорим, я могу заарканить любую дикую конягу, но лошади мне не дают. Вы бы знали, какие дубы работают у нас на пастбищах – смотреть тошно. А мне не дают возможности показать, на что я способен. Заставляют доить коров да делать разную ерунду, с которой может справиться и женщина. А я могу заарканить любую лошадь.

– Ты зарабатываешь достаточно, чтобы и в школу ходить?

Мальчик покраснел, словно его уличили в чем-то постыдном.

– Надо же человеку тратить на что-то свободное время, – сказал он. – Да еще эта мисс Мерран. Провалиться мне на этом месте, она может заставить человека делать все, что угодно... Зачем вы хотели меня видеть? – резко переменял он вдруг тему.

– У меня к тебе поручение от Гарри Бристоля.

– От этого!.. – фыркнул Вилли. На лице его появилось злобное выражение и отвращение. – Какие у вас с ним дела?

– Он думал, тебе будет интересно узнать, что, когда я с ним расстался, он был мертв.

Лицо мальчишки прояснилось.

– Умер! – повторил он. – Хороший был ковбой, здорово умел объезжать диких лошадей. Ездил без узды даже на самых злых и непокорных. Теперь им придется отстреливать таких коней: никто, кроме Гарри, с ними не справится. Как это вам удалось загнать его в угол? Сколько понадобилось человек, чтобы с ним справиться?

– Только один.

– Быть этого не может! – Мальчик стоял, глубоко засунув руки в карманы своих штанов и широко расставив ноги; он внимательно смотрел на собеседника, задумчиво ковыряя пальцами босых ног землю.

– Для того чтобы справиться с Бристолем, понадобился всего один человек и немножко везения, – вынужден был признаться Коркоран. – Он подумал, что тебе, очевидно, будет приятно узнать, что больше некому будет тебя пороть.

Мальчик снова покраснел.

– Это было давно, я тогда был маленьким, – сказал он. – Попробовал бы он тронуть меня сейчас! Лучше ему было поджечь свой собственный дом!

– Охотно верю, – сказал Коркоран.

– Послушайте, мистер Коркоран, кто же его подстрелил? Или, может быть, там был нож?

– Дело решил пистолет. А стрелял из него я, Вилли.

Мальчик моргнул, глядя на Коркорана, а затем присвистнул.

– Понимаю, – сказал он наконец. – Вы из тех, кто кричать не кричит, а сразу стреляет. Мне бы раньше догадаться. – Он смотрел на Коркорана другими глазами. – Как это было? – почтительно спросил он.

– Я увидел, как в кустах сверкнуло солнце на дуле пистолета.

– А он сидел в засаде и дожидался, тогда как вы ни о чем не подозревали?

– Приблизительно так.

– Подумать только, – сказал Вилли Керн, – что этот тип был когда-то мужем моей матери. Провалиться мне на месте, сэр, меня просто тошнит от этого.

– Посмотри-ка туда, Вилли. Твои друзья возвращаются, однако я не вижу между ними Ральфа Кромарти.

– Я задал ему перцу, он получил свое, и теперь по крайней мере десяток из наших ребят могут его поколотить. А до сегодняшнего дня таких не было. Такова уж натура. Если человека один раз как следует вздуть, у него пропадает боевой дух. Что ж до остальных, я их заметил уже с полминуты назад.

– Можешь не беспокоиться, партнер, я их остановлю.

– Ха! – ворчливо отозвался мальчишка. – Я в помощи не нуждаюсь.

– Ты не позволишь мне тебе помочь?

– Очень вам благодарны, но на своем коне я езжу сам.

– Но они тебя окружают, смотри!

– Значит, я разорву окружение пополам, – заявил бесстрашный боец, спокойно наблюдая за бегущими с разных сторон подростками.

В следующую минуту обе приближающиеся на полной скорости партии соединились. Круг замкнулся, и теперь преследователи двигались к центру, сужая этот круг, в середине которого стоял одинокий дуб на вершине холма.

– Что ты теперь будешь делать?

– Залезу на дерево, – зевая, ответил мальчик с нарочитой небрежностью. – Они же не умеют играть по-честному и закидают меня камнями, заставив спуститься вниз. Единственное, что остается, это прорываться.

– Что они с тобой сделают, если поймут?

– Изобьют до полусмерти, – ответил Вилли, словно примирившись с такой участью. – Это особенно интересно. Мне придется мотать из Сан-Пабло, но какая жалость, что я не увижу синяков на их рожах.

Он усмехнулся про себя, но глаза у него горели, как у кошки, которая смотрит на беззащитную канарейку, запертую в клетке.

– Так ты не разрешаешь мне помочь тебе?

– Вы собираетесь обосноваться в Сан-Пабло, партнер?

– Пока не знаю, но вполне возможно.

– Тогда не советую водить со мной дружбу. Никто вас за это не похвалит. Очень был рад с вами познакомиться, мистер Коркоран. Мы еще увидимся.

В следующее мгновение он снялся с места и помчался вниз по склону, направляясь отнюдь не к самой слабой и малочисленной группе мальчишек, бегущих к дереву на холме, а, напротив, к самой тесной и сплоченной; они даже остановились, приготовившись встретить свою жертву. Со всех сторон круга преследователей раздавались ободряющие крики, обращенные к центру атаки, призывая бойцов стоять крепко, ибо все, как один, готовы были прийти на помощь. В то же мгновение атакующие стали поспешно стягиваться к самой ответственной точке. И очень скоро в непрерывной до этого линии стали появляться бреши.

Мудрая тактика Вилли стала очевидной. В то самое мгновение, когда он, казалось, готов был врезаться в плотную массу ожидающих его подростков, он вдруг резко свернул направо, подобно соколу, который, подчиняясь ветру, неожиданно падает на крыло и снова взмывает вверх, изменив направление. Так сделал и Вилли, бросившись к ближайшей бреши в линии облавы.

Двое или трое преследователей, издавая тревожные крики, кинулись к нему, пытаясь преградить дорогу. Но это были всего лишь былинки на пути всепожирающего пламени! Один из преследователей, нагнув голову, сунулся было к Вилли, но тот подпрыгнул в воздух, согнулся пополам, словно перочинный нож, и перескочил через него. Его сжатое в комок тело врезалось в следующего врага, они покатались по земле, но Вилли мгновенно подскочил, словно резиновый мяч. Перед ним оказалось еще двое. Его коричневые кулаки замелькали на солнце; оба противника отступили, и Вилли вырвался на свободу.

На бегу он повернул голову, и его пронзительный насмешливый крик несся назад, вверх по холму, к Коркорану. Этому бегуну даже не нужно было использовать максимальную скорость. Он передвигался не спеша по выжженной солнцем траве, поскольку банда, бросившаяся поначалу следом за ним, довольно скоро оставила надежду его догнать. Вместо этого они стали швырять в него камни и комья земли, надеясь подбить каким-нибудь особо метким снарядом. К великому их раздражению, Вилли не обратил на это ни малейшего внимания, даже не повернул головы. Не увеличил он и скорости бега, просто проделал несколько зигзагов и вскоре скрылся из глаз за вершиной следующего холма, оставив с носом незадачливых преследователей.

Погоня таким образом окончилась, и Коркоран, чувствуя себя так, словно ему пришлось наблюдать сцену из новой Одиссеи, снова вскочил на своего вороного коня.

Мальчишки стояли на холме небольшими группками, тяжело дыша после долгого бега; тут и там раздавались пронзительные ребячьи голоса лидеров, объясняющие, что именно было сделано не так, и обвиняющие в ошибках тех, кто их совершил.

– Поймаете его когда-нибудь, ребята? – спросил он, проезжая мимо них.

– А то нет! Спорим, что поймает.

– Десять долларов, – сказал Коркоран, – тому, кто первым поставит ему синяк.

И он, смеясь, направился назад в Сан-Пабло.

Глава 8

К городу он подъезжал в тот момент, когда его заливало золотом предвечернее солнце. Солнце вскоре спряталось за южное плечо Команчских гор, и вся западная часть неба была в ярких клубах желтого света, словно извергающегося из плавильной печи; клубы эти громоздились один на другой, делаясь все выше и выше, а потом вдруг растеклись, опоясав горизонт сверкающим кольцом, на фоне которого вздымались огромные черные вершины гор. По дороге он обогнал группу крепких, кряжистых золотоискателей – их было человек десять, – которые шагали по направлению к Сан-Пабло. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы дать им точную оценку. Беспощадное солнце высушило их лица. Щеки были красны, носы блестели, а песня, под которую они шагали, обычно распевалась во время попок на студенческих вечеринках. Они сюда явились во время каникул, чтобы посмотреть, что такое настоящая жизнь, а может быть – кто знает? – и найти свое счастье. Но что бы они там ни нашли, они будут вознаграждены за свое долгое путешествие пешком.

Проезжая мимо них по направлению к городу, Коркоран вдруг почувствовал себя совсем не молодым. Он не собирался долго оставаться в этом месте. Сан-Пабло был всего-навсего одним из этапов его путешествия на Юг и Восток, однако теперь у него появились другие идеи. Вполне возможно, что репутация, которую он себе создал в Юджине – слишком быстро, для того чтобы чувствовать себя спокойно, – последует за ним и настигнет его, словно наступающая волна, едва он появится в Сан-Пабло. Но пока это не случится, там можно будет провести несколько приятных дней. Ведь Сан-Пабло такое место, где вполне достаточно темных личностей. На их фоне он не будет особенно выделяться.

Эти мысли заставили его задуматься, и он пришел к выводу, что даже широкие просторы Запада могут оказаться тесными для него. Он направился в отель и спросил себе комнату.

– У нас все переполнено, мест нет, – самодовольно сказал хозяин.

– Посмотрите в ваши книги повнимательнее, – сказал Коркоран, протягивая через конторку бумажку желтого цвета.

Хозяин, прищурившись, посмотрел на него поверх очков. Затем стал перелистывать регистрационную книгу.

– Скажите пожалуйста, – с удивлением проговорил он, – чтоб мне пропасть, оказывается, есть у меня одна койка, в номере...

– Посмотрите еще раз, – продолжал настаивать Коркоран, протягивая еще одну бумажку. – Посмотрите, не собирается ли кто-нибудь оттуда выехать. Я уверен, вы можете предоставить мне отдельный номер.

Хозяин снова посмотрел на Коркорана. В те времена палатка в Сан-Пабло стоила дороже, чем двойной номер с ванной в самом роскошном отеле Манхэттена. Отдельный номер! Коркоран видел, как слово «миллионер» мгновенно нарисовалось в глазах хозяина.

– Отдельный номер? – повторил хозяин. – Ну что же, очевидно, это можно устроить. Только это будет недешево, мистер.

– Ничего, я выдержу, – сказал Коркоран. – Пошлите мальчика, чтобы он отвел мою лошадь в конюшню.

– А как мальчик определит, какая лошадь ваша?

– Скажите ему, пусть отведет туда самую лучшую лошадь, которую увидит, – сказал Коркоран и не спеша направился вверх по лестнице вслед за тучным задыхающимся хозяином.

Иногда он позволял себе продемонстрировать свое высокомерие. Когда ему показали комнату, выяснилось, что ему все не нравится, все было не по нему. Там недостаточно чисто; вторую кровать нужно немедленно вынести; вода в кувшине несвежая, ее необходимо сменить. Хозяин не знал, что и подумать.

– Я видел, что в городе у вас есть сад. Распорядитесь, чтобы в комнате были цветы.

– Прошу прощения, мистер Коркоран, – сказал хозяин. – Если будет еще и супруга, то цена двойная.

Коркоран пошел прогуляться по городу и обнаружил, что там есть все, что нужно, и даже более того. В городе еще сохранился старинный богатый испанский дух. На главной улице было шумно и оживленно, толпами бродили ковбои, золотоискатели и авантюристы самых разнообразных мастей. Все дни они проводили в погоне за золотом, а ночи – в погоне за развлечениями. Но когда он свернул в одну из боковых улиц, чтобы уйти от шума и суеты, то обнаружил там тишину и спокойствие. Посередине улицы в пыли играли дети; в домах через открытые двери можно было увидеть приветливый огонек в очаге, освещающий чисто выметенный земляной пол. Пять минут назад он находился в бурлящей сердцевине города золотоискателей, теперь же перед ним оказалась старая сонная Мексика!

Узкие слепые переулки вились в густой тьме, лишь кое-где над дверью или воротами тускло светился фонарь. Навстречу попадались люди, вышедшие прогуляться по вечерней прохладе, – сеньориты в своих белых или же черных мантильях, солидные пожилые господа со своими женами; все они гуляли, поглядывая время от времени на небо, чтобы полюбоваться яркими звездами. Иногда до его слуха долетало журчание воды, которая струилась из вертушек на зеленые лужайки. Порой его ноздри улавливали чуть пикантный аромат из розария. Даже сам рокот главной улицы, доносившийся издалека, как бы сливался с тишиной, делая ее более ощутимой. Все это действовало на Коркорана успокаивающе. Он говорил себе то, что нередко повторял и раньше: он только сорвет свой куш и сразу же удалится на покой, подальше от жизненной суеты. Довольно ему плавать в бурных стремительных потоках, пора бы найти тихую заводь.

Он вернулся в отель. Комната его преобразилась. На столике возле окна стоял букет – целая копна желтых и красных цветов, наполняющих коричневую глиняную вазу. Он сел возле, вдыхая их аромат и глядя сквозь открытое окно на улицу. Большая керосиновая лампа перед отелем отбрасывала широкий круг света, захватывая фасад стоящего напротив дома, так что его белые стены как бы смотрели прямо на отель. В этом кругу вилась пыль, поднимаемая колесами экипажей, которые сновали взад-вперед по улице, или вздымавшаяся из-под копыт проносящихся мимо скакунов. А тротуар заполнила настоящая европейская толпа людей, спешивших сквозь густую пыль по своим делам.

Все они были здесь. Лица, которые он так часто встречал: болтливые субъекты со скошенными подбородками; свиноподобные толстяки, что буквально роют рылом землю в погоне за деньгами; нервные худосочные юноши, которым просто на роду написано гоняться за радугой в расчете на то, что на ней можно найти мешки золота; там слонялись негодяи с наглым взглядом, которые явились в город в поисках, во-первых, развлечений, а во-вторых – золота; важные мужи с квадратными подбородками, которые мало говорят и делают большие дела; благодущные добряки, которые постоянно улыбаются, как при удаче, так и тогда, когда им не везет. Коркоран рассматривал их, словно листая увлекательнейшую книгу. Он забыл благоразумное решение, которое принял в тихих переулках; он снова находился на главной улице. Теперь это снова был ястреб, парящий над своей жертвой. Кто-то станет этой жертвой, кого он изберет и когда это случится?

Он раскрыл свой складной дорожный чемодан, который так удобно возить за седлом. В нем лежало гораздо больше необходимых предметов, чем обычный мужчина и даже женщина могут уложить в большой вместительный сундук. Актеру, который постоянно перелетает с места на место по всей земле, неплохо было бы сесть рядом и поучиться укладывать вещи у этого мастера. Даже бывалый путешественник, который мог бы чуть ли не обставить дом с помощью содержимого своего саквояжа, и то подивился бы разнообразию и завершенности всего, что лежало в его чемодане. Там было не только все необходимое, но и драгоценные без-

делушки. На его примере можно было бы поучиться, как уложить в уголок чемодана целый костюм, а прочие необходимые вещи разместить так компактно, чтобы осталось место и для стопки писчей бумаги, головной щетки с золотым верхом, бритвенного прибора и даже миниатюрного маникюрного набора!

Был ли в Сан-Пабло еще хоть один человек, который думал о красе ногтей? Но Коркоран любил повторять: «Тысяча мелочей делают из человека Человека; оставьте без внимания хоть одну, и Человека нет». Коркоран сам придумал этот девиз; мало того, он жил, воплощая его на деле.

Ему понадобилось на сей раз не менее пятидесяти минут напряженной работы, хотя двигался он с молниеносной быстротой. Но в конце концов был удовлетворен ее результатами. Стоя перед зеркалом и причесываясь – волосы он зачесывал назад, – он знал, что сегодня вечером все будет хорошо. Затем, надев наконец сюртук, добавил последний штрих: вынул из вазы бутон желтой розы и вдел в петлицу. Взглянув последний раз в зеркало – кто может перед ним устоять? – осмотрел себя с ног до головы, начиная с кончиков ярко начищенных блестящих сапог. Затем расправил плечи, как это делают все мужчины, и двинулся вперед, навстречу любопытным и восхищенным взглядам.

Это было главное в его жизни. Его должны были заметить. Если, когда он войдет в комнату, все взоры не обратятся на его странное лицо со светлыми, почти бесцветными волосами и бровями, то найдется кое-что другое, достойное внимания. Скажем, эта роза, ее будет достаточно. А если и этого окажется мало, то взгляд скользнет вниз, по хорошо отглаженному костюму и еще ниже и остановится на легких серых гетрах, которые надеты на нем!

Гетры в Сан-Пабло!.. Он улыбнулся сам себе. И когда сошел вниз, в вестибюль, где толпились небритые громогласные мужчины, он был вознагражден. Наступило молчание, а потом по толпе пробежал шепоток: он добился того, чего хотел. Все взоры были прикованы к нему. Все – и молодые и старые, не скрываясь, пялились на него. Некоторые презрительно усмехались, другие смотрели, раскрыв от удивления рот. Это было все, что нужно.

В вестибюле он на минуту задержался, а потом медленно направился к выходу. Как трудно сохранить непринужденную походку, когда на тебя устремлено столько глаз! Какими большими и неловкими делаются ноги, как беспомощно висят руки! Если пройти весь Бродвей от самого его начала и до конца и зайти в каждый из множества расположенных там театров, сколько можно насчитать из многих сотен играющих там хорошо обученных артистов и артисток таких, что способны выйти на сцену свободной непринужденной походкой? А покинуть сцену изящно и грациозно? Мало, очень мало кто из них обладает таким даром. Кто-то вышагивает, кто-то семенит, другие лениво волочат ноги, третьи суетятся, четвертые громко топают, пятые скользят, словно раскатываясь на коньках, – но кто из них уходит спокойно, не теряя уверенности в себе?... Мало, мало на свете настоящих великих актеров! А вот Коркоран вполне мог бы играть на Бродвее. Он был бы вполне этого достоин.

Ибо знал себя и свою силу и, как настоящий актер, задержался в центре сцены, позволяя зрителям полюбоваться собой. Он огляделся – кое-кто уже раскрыл рот и готов был отпустить язвительное замечание, но снова где-то в углу кто-то что-то сказал, и по толпе вновь пробежал беспокойный шепоток; улыбки исчезли, язвительные замечания были проглочены, так и не родившись. Что же произошло?

И вот, уже приближаясь к выходу на улицу, он услышал ответ – кто-то сказал достаточно громко: «Это ведь тот самый, который разделался с Джефом Туми!»

Вот и отлично! Быстро же разнеслась слава его скромного подвига! Он еще помедлил на краю веранды, задержавшись там достаточно долго, чтобы, спускаясь на темную улицу, услышать еще один возглас: «Да это же Коркоран, карточный шулер!»

Глава 9

Такой шепоток ему приходилось слышать и раньше. Он следовал за ним по пятам всюду, куда бы он ни заехал. Иногда удавалось избавиться от него на неделю, даже на месяц. А потом он слышал его снова – не больше чем шепот, но сколько в нем было подозрительности, презрения, а подчас и смертельной ненависти. Ведь кого с такой силой ненавидит законопослушный человек? Только преступника, слишком ловкого для того, чтобы его можно было засадить за решетку.

Именно так обстояло дело с Коркораном. Они его ненавидели из-за слухов, которые следовали за ним по свету, и они верили этим слухам из-за его тонкого жестокого лица, его твердого голоса, из-за того, как смотрели на собеседника его серые глаза.

Обычно ему даже доставляла удовольствие эта бешеная ненависть. Она придавала жизни известную пикантность. Для Коркорана купаться в злобе было все равно что погружаться в удовольствия. Он постоянно расхаживал посреди обнаженных мечей и наслаждался. Однако сегодня все было иначе. Неизвестно по какой причине, но только этот неожиданный взрыв отвращения и злобы лег на сердце тяжелым камнем. Он обнаружил, что медленно и слепо бредет по деревянному тротуару, глубоко вдыхая ночной воздух, но тем не менее не в силах выдохнуть яд, наполняющий грудь.

Шерифа Майка Нолана он встретил на углу. Почтенный шериф стоял, лениво привалившись к столбу у ворот, и жевал черенок своей коротенькой трубки, большая часть которого была уже изжевана, так что пышные густые усы стража закона каждую минуту готовы были очутиться в пламени трубки и сгореть там навеки. Шериф, казалось, внимательно смотрел на звезды – мерцающие светила темной холодной ночи, что простерлась над Сан-Пабло.

Возле шерифа остановился молодой мексиканец, очень пьяный и страшно шумливый. Очевидно, он сорвал крупный куш в игорном доме по соседству и бурно веселился, не жалея ни себя, ни выигранных денег. Этаким безобидный человечек, легкая добыча.

Коркоран не мог разобрать, что говорил этот юнец, хотя ему был прекрасно слышен его высокий пронзительный голос. Результаты этой речи, однако, он видел достаточно ясно. Шериф протянул руку в сторону молодого человека. Тот отскочил, и у него в руке блеснуло лезвие ножа. В тот же момент рука шерифа, сжавшись в кулак, качнулась вперед. Молодой мексиканец сразу же сел на землю.

Коркоран ожидал увидеть, что тут же на руках мексиканца защелкнутся наручники, но вместо этого странный шериф поднял парня с земли, подобрал его шляпу и надел ему на голову.

Коркоран, подойдя ближе, услышал его слова:

– Знаю тебя, парень. Имя твое мне неизвестно, но все равно я тебя знаю. Знаю, что в тебе говорит хмель, громко говорит, заглушает твой собственный голос. Ну что ж, сынок, я не собираюсь проявлять строгость и наказывать тебя. Может, и следовало бы тебя посадить, чтобы ты немного очухался, да только я думаю, ступай-ка ты и постарайся протрезветь, как тебе самому захочется. Иди гуляй, парень. Трать поскорее свои деньги. Покупай себе еще, сколько хочешь, этой отравы. Прошу тебя только об одном: дай-ка мне посмотреть на твой ножичек.

С этими словами шериф вытащил его из ножен, висящих на поясе у мексиканца.

– Вот так-то лучше. Этим украшением тебе лучше особо не хвалиться. Ведь ты, когда с кем поспоришь, любишь использовать его в качестве аргумента. Иди гуляй, парень. Но если я еще раз поймаю тебя здесь у нас с ножом, то задам тебе такую трепку, что ты вспомнишь своего папочку и подумаешь, будто это он сам вспомнил, что тебя требуется вздуть.

– Шериф Нолан, – заикаясь, пробормотал мексиканец, который, очевидно, достаточно протрезвел, разглядев, что перед ним находится страж закона. – Я не знал, что это вы. Я больше не буду.

– Ладно, иди, – сказал шериф. – Мальчишки они и есть мальчишки, что с ними поделаешь. Только эти ножички, дьявол их побери! Много от них неприятностей.

– Вот человек, – констатировал Коркоран, – который будет спокойно себя вести по крайней мере неделю. Вы, я вижу, принадлежите к новой школе, считаете, что лучше предотвратить преступление, чем за него наказывать.

Майк Нолан обернулся к подошедшему, невесело посмеиваясь. Первый раз в жизни к нему обратились с комплиментом – его метод работы получил одобрение. Но когда он увидел, с кем разговаривает, усмешка исчезла с его лица и он только с удивлением посмотрел на своего собеседника. Дело в том, что главная улица Сан-Пабло была достаточно хорошо освещена – из открытых окон и из дверей лились потоки света. При ярком освещении шериф отлично рассмотрел элегантную внешность заговорившего с ним человека. Последним, коронным штрихом, вызвавшим полное изумление шерифа, была тросточка, завершающая костюм незнакомца, – тонкая изящная тросточка черного дерева, так гладко отполированная, что казалось, она висела в его руке словно блестящая яркая полоска.

– А-а, – пробормотал наконец шериф, вглядываясь в лицо этого человека и отмечая про себя знакомые светлые брови над темными глазами. – Вы Коркоран?

– Совершенно верно.

Шериф шагнул вперед. Он поднял руку, словно собираясь положить ее на плечо незнакомца, но раздумал. Возможно, он просто побоялся, что его запачканная пылью рука оставит след на отлично вычищенном сюртуке.

– Коркоран, – сказал шериф, – я кое-что о вас слышал.

– Полагаю, – отозвался Коркоран, – что кое-кто из моих друзей последовали за мной в Сан-Пабло. Наверное, они и распускают разные слухи?

– Можно сказать и так. Они о вас рассказывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.